

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.34670/AR.2026.62.47.009

**Грамматическая интерференция при усвоении категории
одушевленности/неодушевленности в практике
преподавания русского языка как иностранного
(на материале анализа ошибок обучающихся)**

Емельянова Марина Денисовна

Аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: mariemelianova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются типичные случаи грамматической интерференции при изучении категории одушевленности/неодушевленности на начальном этапе обучения РКИ. На материале устных ответов и письменных работ слушателей программы предвузовской подготовки, проводящейся в Институте русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, анализируются случаи неверного выбора падежных форм, смешения вопросов *кто?/что?* и синтаксических конструкций. На основе анализа «отрицательного» (по Л.В. Щербе) языкового материала автор обосновывает необходимость грамматического подхода к презентации данной категории и коррекции указанных ошибок, предполагающего опору, прежде всего, на формальные показатели падежных окончаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Емельянова М.Д. Грамматическая интерференция при усвоении категории одушевленности/неодушевленности в практике преподавания русского языка как иностранного (на материале анализа ошибок обучающихся) // Педагогический журнал. 2026. Т. 16. № 6А. С. 105-118. DOI: 10.34670/AR.2026.62.47.009

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, грамматическая интерференция, одушевленность/неодушевленность, падежная система, анализ ошибок, методика преподавания РКИ.

Введение

Категория одушевленности/неодушевленности в русском языке, несмотря на ее условное соотношение с семантической оппозицией понятий живого и неживого объекта, имеет строгое морфологическое выражение, охватывающее парадигмы не только существительных, но и согласуемых с ними прилагательных, причастий, числительных и местоимений. Центральным грамматическим маркером данной оппозиции выступает соотношение падежных форм, которое реализуется в следующих правилах.

1. Для одушевленных существительных характерно совпадение форм винительного и родительного падежей. Это правило действует для слов всех склонений и родов во множественном числе, а также для лексем м.р. II скл. в ед. ч.: вижу брата / братьев (Ср.: нет брата / братьев).

2. Для неодушевленных существительных характерно совпадение форм винительного и именительного падежей. Например: вижу стул / стулья (Ср.: это стул / стулья).

Именно формальный характер категории в русском языке при отсутствии аналогичных грамматических механизмов в родном языке обучающихся становится причиной устойчивой интерференции, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Целью данной статьи является систематизация и анализ типичных ошибок, допускаемых иностранными обучающимися при усвоении категории одушевленности / неодушевленности в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Анализ «отрицательного» (по Л.В. Щербе) языкового материала позволяет не только выявить зоны наибольшей интерференции, но и наметить методические пути их преодоления в рамках работы по используемым учебным материалам.

Основная часть

Рассматриваемый «отрицательный» языковой материал собран в Институте русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (ИРЯиК МГУ), где реализуется годовая программа предвузовской подготовки. В ее рамках осуществляется подготовка будущих иностранных абитуриентов к поступлению на факультеты МГУ и других высших учебных заведений. Неотъемлемой частью этой программы является курс РКИ («Русский язык»), направленный на формирование компетенций обучающихся в объеме Государственного стандарта нескольких уровней ТРКИ, прежде всего, Элементарного и Базового (A1 – A2). Еще один включаемый в программу курс – «Язык специальности», направленный на осуществление базовой подготовки к восприятию и использованию научной речи по одному из трех направлений – гуманитарному, экономическому или естественно-техническому.

Как правило, по окончании данной программы студенты достигают начальной стадии освоения Первого сертификационного уровня (B1) – минимального уровня владения РКИ, необходимого для поступления в российские университеты.

Программа предвузовской подготовки в ИРЯиК МГУ базируется на приведенных ниже учебных материалах.

1. Учебный комплекс «Дорога в Россию» (авторы: Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А.) состоит из четырех частей и обеспечивает подготовку взрослых обучающихся в объеме Государственного стандарта на уровнях A1, A2 и B1. Первая и вторая части ориентированы на овладение Элементарным (A1) и Базовым (A2) уровнями

соответственно, третья и четвертая части – на овладение Первым сертификационным уровнем (B1). Пособие отличается жесткой структурой и строгой регламентацией порядка презентации грамматических тем. Каждый урок (на примере учебника для Базового уровня) содержит фонетическую зарядку, разделы «Поговорим» и «Учиться всегда пригодится!» (включающий новый материал и тексты), а также блок «Домашнее задание». Завершается учебник сборником субтестов, использующихся для контроля освоения навыков и умений в области всех видов речевой деятельности.

2. Рабочая тетрадь «Я пишу по-русски» состоит из двух частей: первая (авторы – Беляева Г.В., Нахабина М.М.) ориентирована на уровень A1, вторая (авторы – Беляева Г.В., Луцкая Н.Э., Горская Е.И.) – на уровень A2. Пособие используется как составная часть учебника «Дорога в Россию», но может применяться и самостоятельно. Его ценность заключается в том, что оно компенсирует недостаток языковых упражнений в основном учебнике, где преобладают предречевые и речевые упражнения. «Я пишу по-русски» содержит большое количество упражнений на образование форм слов, что позволяет начинать изучение грамматической темы с отработки навыков формообразования. Значительное место уделяется письму как виду речевой деятельности. Кроме того, пособие включает дополнительные грамматические темы, в частности, изучение категории одушевленности / неодушевленности, которая вводится уже на Элементарном уровне. Структура тетради, как и учебника, является жесткой: порядок подачи лексико-грамматического материала строго регламентирован.

3. Учебный материал по курсу «Язык специальности», создаваемый в ИРЯиК МГУ в трех вариантах, которые изучаются слушателями программы предвузовской подготовки в зависимости от выбранного направления подготовки – гуманитарного, экономического или естественно-технического. В рамках настоящей статьи рассматривается ряд примеров ошибок, зафиксированных автором статьи в процессе преподавания данного курса слушателям, осваивающим экономическое направление подготовки.

Немаловажно в процессе анализа «отрицательного» языкового материала учитывать специфику родного языка обучающихся. Все обучающиеся учебных групп, в которых проводились занятия, являются носителями китайского языка. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания природы рассматриваемых ошибок, поскольку грамматический строй китайского языка кардинально отличается от русского. В китайском языке условно выделяется понятие о различении «лица» и «не-лица», при котором «лицами» принято считать все существительные, обозначающие людей, а «не-лицами» – все остальные имена существительные, в том числе те, которые обозначают животных. Это противопоставление выражается исключительно семантически, какие-либо грамматические признаки различия отсутствуют. Более того, в грамматике китайского языка отсутствуют такие фундаментальные для русской морфологии понятия, как «морфологическая категория» и «часть речи». Особенно важно отметить, что в китайском языке нет категории падежа. В то же время при противопоставлении русских одушевленных и неодушевленных существительных ключевую роль играют именно грамматические признаки их различия (совпадение форм винительного падежа с родительным или именительным). Для носителей китайского языка в силу указанных типологических причин они являются крайне трудным для усвоения языковым материалом. Таким образом, студенты вынуждены не просто запоминать новую лексику, но и осваивать принципиально иной способ грамматического мышления, что создает благоприятную почву для устойчивой интерференции.

На протяжении всего времени проведения учебных курсов в рамках программы

предвузовской подготовки нередко исправлялись ошибки, так или иначе связанные с категорией одушевленности / неодушевленности имен существительных, которые мы можем разделить на три группы. Перечислим их.

1. Ключевым грамматическим признаком различения одушевленных и неодушевленных существительных, как было показано выше, являются окончания винительного падежа множественного числа, а в мужском роде – и единственного числа. У одушевленных существительных они совпадают с окончаниями родительного падежа, а у неодушевленных – с окончаниями именительного. Следует отметить, что ошибки в употреблении падежных форм часто допускаются на занятиях, однако на начальном этапе обучения РКИ вряд ли возможно четко определить взаимосвязь этих ошибок с представлением о категории одушевленности / неодушевленности в силу слабой развитости навыков употребления слов, связанных с категорией падежа. Данный факт связан, в первую очередь, с тем, что понятие падежа, как и понятия морфологических категорий и частей речи в целом, отсутствуют в китайском языке в том виде, в котором они представлены в системе русского языка. Следовательно, данный грамматический материал представляет для обучающихся особую трудность. Было выявлено несколько ошибок, которые обусловлены неправильным представлением студентов о характеристике имени существительного по одушевленности / неодушевленности или слабыми представлениями о функционировании данной категории в целом (см. примеры А – Г):

А) Диалог между студенткой и преподавателем во время выполнения языкового упражнения на формирование навыков употребления формы винительного падежа:

Хоу Цзяни (КНР): **Я люблю студент.*

Преподаватель: *«Студент» – это «Кто?» или «Что?».*

Хоу Цзяни (КНР): *«Студент» – это «Что?».*

Преподаватель: *Думайте: что значит слово «студент»?*

Хоу Цзяни (КНР): *Понятно. «Я люблю студент-а».*

Комментарий: В русском языке существительное студент относится к грамматически одушевленным, что требует совпадения формы винительного падежа единственного числа с формой родительного падежа (студента).

Ошибочная форма студент (Вин.п. = Им.п.) представляет собой грамматическую модель, характерную для неодушевленных существительных. Важно отметить, что преподаватель, задавая вопрос *«Кто?»* или *«Что?»*, не вводит семантический критерий (хотя он в этом случае не вызывает дополнительных трудностей), а актуализирует грамматическую операцию выбора падежного окончания.

Исправление формы на студента свидетельствует о том, что студентка способна применить правило при наличии направляющего вопроса, однако самостоятельный автоматизм еще не сформирован.

Б) – *Какого артиста журналисты встречали вчера в аэропорту?*

– **Известный артист.* (Лю Цун, КНР)

Комментарий: Вопрос уже содержит форму винительного падежа одушевленного существительного, а также согласуемого с ним вопросительного местоимения (*какого артиста*), где Вин.п. = Род.п. Однако в ответе студент употребляет форму именительного падежа (*известный артист*), т.е. воспроизводит модель, характерную для неодушевленных существительных. Ошибка демонстрирует, что грамматическая категория одушевленности/неодушевленности не была учтена при переносе слова из вопроса в ответ. Студент ориентируется на немаркированную форму именительного падежа, игнорируя

обязательное согласование падежной формы одушевленного существительного в позиции прямого объекта.

В) **Он любит книгов*. (Ян И, КНР)

Комментарий: Существительное *книга* в русском языке является грамматически неодушевленным, а также относится к словам ж.р. I скл. Однако при выполнении языкового упражнения на заполнение пропусков студент образует форму *книгов* по аналогии с одушевленными существительным м.р. II скл. (ср.: *студентов, поваров*), ошибочно приписывая неодушевленному существительному *книга* окончание родительного падежа множественного числа, а также неверное определение характеристики слова по категории рода. Правильная форма винительного падежа для *книга* должна совпадать с именительным падежом множественного числа (*книги*). Ошибка показывает гиперобобщение грамматического правила: студент усвоил формальный признак (Вин.п. мн.ч. у одуш. = Род.п.), но применил его к неодушевленному существительному.

Г) **Хозяйство каждой страны включает в себя промышленность, сельское хозяйство, торговлю и других отраслей*.

Комментарий: Пример получен при проверке письменного выполнения языкового упражнения на заполнение пропусков в рамках курса «Язык специальности». Ошибку допустили одновременно несколько студентов из двух учебных групп, что свидетельствует о системном характере затруднения.

С точки зрения грамматической нормы, существительное *отрасль* в данном контексте является неодушевленным, поэтому форма винительного падежа множественного числа должна совпадать с именительным падежом: *включает ... торговлю и другие отрасли*. Однако студенты употребили форму *других отраслей*, т.е. использовали модель одушевленных существительных (Вин.п. мн.ч. = Род.п. мн.ч.).

Показательно, что ошибка проявилась именно в курсе «Язык специальности», где лексика часто абстрактна, и опора на представления о живых и неживых объектах является особенно затрудненной. Абстрактная лексика (обозначающая понятия, свойства, действия, состояния) в русском языке, как правило, относится к грамматически неодушевленным существительным, однако сам факт ее абстрактности делает семантический критерий («живое/неживое») практически неприменимым: студент не может опереться на наивно-биологическое представление об объекте, поскольку такой объект не имеет физической природы. С нашей точки зрения, это подтверждает, что категория одушевленности/неодушевленности в русском языке является грамматической, а не семантической: студенты не «пугают живые и неживые предметы» (поскольку отрасль явно не относится к лицам или животным), а ошибочно приписывают существительному определенный грамматический признак, влияющий на выбор падежного окончания. В условиях абстрактной лексики семантические подсказки отсутствуют, и единственным ориентиром остается формальное усвоение грамматического правила.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что трудности в употреблении форм винительного падежа у китайских обучающихся связаны именно с усвоением грамматической категории одушевленности / неодушевленности, а не с неспособностью отличить живой объект от неживого. Важно подчеркнуть, что семантический критерий (одушевленное слово обозначает лицо или животное, а неодушевленное – предмет или явление) не является надежным ориентиром для обучающихся: в примере В (*книга*) студент вряд ли считает книгу живым существом, а в примере Г (*отрасли*) абстрактное понятие тем более не может быть осмыслено как живой объект. Тем не менее, ошибка происходит именно на уровне выбора

грамматической модели. Это прямое доказательство того, что категория одушевленности/неодушевленности в русском языке функционирует как формальный грамматический классификатор, а не как отражение наивно-биологических представлений о мире. Поэтому на любом этапе обучения РКИ необходимо помнить о категории одушевленности/неодушевленности как о значимом критерии выбора формы винительного падежа, причем его необходимо последовательно представлять именно как грамматический критерий выбора. Только такой подход позволяет прогнозировать типичные ошибки и целенаправленно формировать навык правильного падежного оформления, в том числе в рамках аспектного обучения.

2. Наиболее частотным оказался другой тип ошибок, связанный с различием вопросов *кто?* и *что?* в соответствии с характеристикой отвечающих на них существительных по одушевленности/неодушевленности. В основной части случаев их ответы на задания обязательно должны включать одно из этих вопросительных слов.

Как правило, здесь необходимо указать на лексическое значение слова, соотносимое с тем или иным вопросительным словом. Следует учитывать, что далеко не во всех случаях такой подход может быть эффективным решением. Так, по мере продвижения по этапам обучения РКИ студентов предстоит знакомить с многочисленными примерами случаев, когда семантическая характеристика слова расходится с представлением о требуемых по отношению к ним вопросительных местоимениях. К подобным случаям относится, в частности, персонификация, т.е. субъективное представление о неживом объекте как о живом. В связи с этим представлением в индивидуальной речи человека название такого объекта может функционировать как одушевленное существительное, и к нему задается вопрос *кто?*: *Кто сломался? – Компьютер.* Тем не менее, на начальном этапе обучения, на котором находятся слушатели программы предвузовской подготовки в ИРЯиК МГУ, такие случаи рассматриваются редко, в силу чего указание на семантику в большинстве случаев (но не во всех) остается релевантным.

Если лексема употреблена в форме винительного падежа, и посвященная ему грамматическая тема уже обсуждалась на занятиях (в «Дороге в Россию» данный падеж впервые упоминается в Уроке 9 учебника для Элементарного уровня), можно и даже нужно упомянуть о тождестве падежной формы с формой родительного или именительного падежа. Рассмотрим примеры Д – М:

Д) – **Что пригласил Антон на вечер в институт?*

– *Антон пригласил поэта Евтушенко на вечер в институт.* (Лю Сяохань, КНР)

Комментарий: Пример получен при выполнении задания на постановку вопроса к выделенному фрагменту текста (упражнение 26 (в) урока 13 учебника «Дорога в Россию. Элементарный уровень»). Формулировка задания: *«Какие вопросы вы зададите, чтобы восстановить текст?»*

К моменту выполнения этого упражнения студенты уже освоили падежи, значимые для различения одушевленных и неодушевленных существительных: именительный (урок 1), винительный (урок 9) и родительный (урок 12). Таким образом, обучающиеся обладают необходимым грамматическим инструментарием для правильного выбора вопросительного слова.

Восстанавливаемый фрагмент исходного предложения выглядит следующим образом:

Антон пригласил поэта Евтушенко на вечер в институт.

Глагол *пригласить* управляет винительным падежом в значении прямого объекта. Форма

поэта имеет окончание *-а*, что совпадает с формой Род.п. ед.ч. В грамматической системе русского языка такое совпадение формы Вин.п. ед.ч. является формальным признаком одушевленности существительного М.р. II скл.

Следовательно, слово *поэт* представляет собой грамматически одушевленное существительное, что требует использования вопросительного слова *Кого?* (*Кого пригласил Антон?*). Однако студент ошибочно употребил вопрос *Что?*, применив модель, характерную для неодушевленных существительных.

Важно подчеркнуть, что правильный выбор вопросительного слова в данном случае может быть обоснован двумя способами, которые на данном этапе обучения обычно не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими. Во-первых, лексическое значение слова *поэт* указывает на лицо, что традиционно соотносится с вопросом *кто?* Во-вторых, и это более значимо с точки зрения формирования языковой компетенции, форма винительного падежа (*поэта*) тождественна форме родительного падежа, что является формальным критерием одушевленности. Второй способ особенно важен для последовательного применения подхода к одушевленности/неодушевленности как к грамматической категории: даже если бы лексема *поэт* была не знакома обучающемуся, форма Вин.п. с окончанием *-а*, выражающая значение прямого объекта, указывала бы на необходимость вопроса *кого?*.

Е) – **Кто это?*

– *Это журнал «Москва».* (Люй Вэньцзя, КНР)

Комментарий: Материалом для примера послужило упражнение на восстановление микродиалогов (урок 15, упражнение 6 (б) из раздела «Чтение. Говорение» учебника «Дорога в Россию. Элементарный уровень»). В предложенном контексте существительное, к которому необходимо подобрать вопросительное слово, употреблено в форме именительного падежа (*журнал*). Следует отметить, что именительный падеж не является диагностическим контекстом для определения грамматической характеристики существительного по одушевленности/неодушевленности, поскольку форма Им. п. едина для обоих грамматических классов по данной категории. Таким образом, ошибка студентки (использование вопроса *кто?* вместо *что?*) не может быть объяснена формальными падежными показателями в данном конкретном предложении.

Как и в примере Д, существует два основных варианта объяснения ошибки, первый из которых предполагает акцент на семантике, а второй – акцент на грамматике. На занятиях лучше всего совмещать их.

Первый вариант предполагает объяснение лексического значения слова *журнал*, а точнее – напоминание о нем. Эта лексема в рассматриваемом контексте обозначает «периодическое издание в виде книги», т.е. неживой объект.

Второй вариант – приведение примера диагностического контекста в совокупности со сравнением форм лексемы в трех падежах – именительном, родительном и винительном – и обращением внимания на совпадение двух из этих форм. В случае со словом *журнал* следует также отметить, что оно мужского рода, а значит, утверждение о совпадении падежных форм верно как для множественного, так и для единственного числа.

Им.п.: *журнал*

Род.п.: *журнала*

Вин.п.: *журнал*

Подобное сравнение падежных форм может также подкрепляться аналогичным для существительного, которое имеет противоположную характеристику по

одушевленности/неодушевленности.

Следует отметить, что подобный подход не является полностью верным, когда студентами не освоен хотя бы один из трех упомянутых падежей, что наглядно представлено в примерах Ж – 3.

Ж) *Кто это? – Это стол. (Ши Юйхао, КНР)

Комментарий: Ошибка была допущена, когда единственной падежной формой, освоенной студентами учебной группы, была форма именительного падежа. В таких условиях грамматический критерий различения одушевленных и неодушевленных существительных не может быть применен, поскольку соответствующие падежи (прежде всего, винительный) еще не изучены.

Единственным доступным критерием в данной ситуации является семантический. Семантика слова *стол* (предмет мебели) уже хорошо знакома студенту. С нашей преподавательской точки зрения, здесь отсутствуют дополнительные лингвистические факторы, которые могли бы повлиять на интерпретацию этого значения; все лексико-семантические варианты (ЛСВ) данного слова (включая переносные ЛСВ, используемые в таких словосочетаниях как *диетический стол*, *паспортный стол*) имеют одинаковую характеристику по одушевленности/неодушевленности. Следовательно, предмет, называемый *столом*, является однозначно неживым объектом, а само слово *стол* – однозначно неодушевленным существительным. Это значит, что к нему требуется задать вопрос *Что это?*

Важно отметить, что в подобных случаях ЛСВ, у которых наблюдаются расхождения между семантической характеристикой слова и выбором соответствующего вопросительного местоимения (например, персонификация или образное употребление), не рассматриваются. Таким образом, опора на лексическое значение остается релевантным и достаточным способом коррекции ошибки.

З) – *Что ты любишь? – Я люблю кота. (Чжан Лунтэн, КНР)

Комментарий: Указанная ошибка зафиксирована в процессе формирования навыка употребления форм винительного падежа – на первом уроке, посвященном данной теме. Студент, подбирая вопрос к предложению *Я люблю кота.*, выбирает вопросительное местоимение, которое, как правило, соотносится с неодушевленными словами: *Что ты любишь?* Правильный вопрос в данном случае должен быть *Кого ты любишь?*, поскольку существительное *кот* является грамматически одушевленным, что полностью совпадает с его семантикой живого объекта.

Здесь уже частично может быть задействован грамматический критерий. Требуется указать на факт неравенства формы винительного падежа *кота* форме именительного падежа *кот* (ср.: для неодушевленных существительных мужского рода в данной учебной ситуации ожидалось бы совпадение Вин. п. = Им. п.: *Я люблю стол*). Однако следует учитывать, что родительный падеж к этому моменту еще не изучен студентами, поэтому в объяснении не упоминается формальное совпадение винительного падежа с родительным – признак одушевленности. Коррекция ошибки строится, таким образом, на сопоставлении именительного и винительного падежей, а также указании на семантический признак (кот – живое существо).

Рассмотрим также ряд примеров ошибок, допущенных в рамках прохождения курса «Язык специальности» (См. примеры И – К).

И) – *Что такое Аристотель?

– Аристотель – это древнегреческий ученый. (Юань Ичжэ, КНР)

Комментарий: Приведенный пример относится к началу проведения учебных занятий по

курсу «Язык специальности», когда студенты выполняли задание, требующее сформулировать вопросы к тексту, посвященному зарождению экономики как науки. Студент должен был задать вопрос к выделенному фрагменту текста, содержащему имя собственное *Аристотель*.

Ошибка заключается в том, что к существительному *Аристотель* употреблен вопрос *что?* вместо правильного *кто?* Следует обратить внимание на две характеристики, определяющие грамматический статус данного слова.

Во-первых, *Аристотель* – это имя собственное, обозначающее конкретное историческое лицо, мыслителя. В грамматической системе русского языка все имена собственные, называющие человека, относятся к одушевленным существительным.

Во-вторых, в ответе студента содержится слово *ученый*, которое в описываемый момент является новым для обучающихся. Однако его семантика («человек, занимающийся научной деятельностью») также указывает на одушевленность, других неодушевленных ЛСВ слово не имеет. Более того, в тексте задания *Аристотель* характеризуется именно как ученый, что подкрепляет необходимость использования вопроса *кто?*

С грамматической точки зрения существительное *Аристотель* относится к м.р. II скл., и его форма винительного падежа совпадают с формой родительного (*уважать Аристотеля*), что является формальным признаком одушевленности. Аналогично характеризуется и слово *ученый* (*Не учи ученого*). Однако в данном контексте слова употреблены в именительном падеже. Диагностический контекст в учебном материале отсутствует и должен приводиться дополнительно преподавателем.

К) – **Чему* нужны блага?

– *Блага* нужны всем людям. (Лю Цун, КНР)

Комментарий: Студент формулирует вопрос к предложению *Блага нужны всем людям*. Ошибка заключается в выборе вопросительного слова *чему?*

В предложении *Блага нужны всем людям* слово *люди* (мн.ч. от слова *человек*) стоит в дательном падеже множественного числа и обозначает живые объекты. Существительное *люди* является грамматически одушевленным, что требует при постановке вопроса использования вопросительного местоимения *кто* в соответствующей падежной форме – *кому?* Студент же употребил вопрос *чему?*, который относится к неодушевленным существительным.

Проблема заключается в неразличении грамматической категории одушевленности/неодушевленности при выборе вопросительного местоимения в косвенном падеже. В русском языке оппозиция *кто?* (одушевленные) – *что?* (неодушевленные) сохраняется во всех падежах, где это различие возможно (в дательном падеже: *кому?* – *чему?*; в винительном: *кого?* – *что?*; в творительном: *кем?* – *чем?*; в предложном: *о ком?* – *о чем?*). Данный пример свидетельствует о том, что даже в процессе изучения языка специальности, когда обучающиеся уже должны владеть базовыми грамматическими навыками (включая навыки употребления слов во всех падежах), категория одушевленности/неодушевленности продолжает оставаться зоной риска, причем не только в винительном падеже, но и в других падежных формах, где выбор вопросительного слова также зависит от этой категории.

Для некоторых случаев при выборе правильного вопросительного слова необходимо обратить внимание на дополнительные лингвистические факторы (См. примеры Л – М):

Л) – **О ком* ты прочитал книгу?

– *Я* был во *Владимире* на экскурсии и прочитал книгу о Владимире. (Лю Сяохань, КНР)

Комментарий: Данный пример получен при выполнении задания на восстановление текста

с помощью вопросов к выделенным словам (урок 14, упражнение 17 учебника «Дорога в Россию. Элементарный уровень»). Формулировка задания: *«Прочитайте микротексты, обратите внимание на выделенные слова. С помощью вопросов к выделенным словам восстановите текст»*.

На первый взгляд, ответ студента не выглядит ошибочным, поскольку форма вопроса *О ком?* допустима для одушевленных существительных, а форма *о Владимире* может быть формой предложного падежа двух разных ЛСВ: мужского имени и названия города, и именно на различия этих ЛСВ в их характеристиках по одушевленности/неодушевленности следует обратить особое внимание.

В представленном микротексте слово *Владимир* используется в неодушевленном ЛСВ как название города Золотого кольца России. Следовательно, правильный вопрос к выделенному слову должен быть *О чем?* (*О чем ты прочитал книгу?*). Студент же употребил вопрос *О ком?*, применив модель, характерную для одушевленных существительных (в данном случае – для мужского имени *Владимир*).

Пример наглядно демонстрирует, что при выборе правильного вопросительного слова недостаточно ориентироваться только на формальные грамматические показатели или изолированное лексическое значение слова. Необходим учет более широкого контекста, который позволяет однозначно определить, какой именно ЛСВ реализован в высказывании. В учебных целях важно подчеркивать, что омонимия (совпадение формы имени и названия города) требует особого внимания при постановке вопросов: к имени человека задается вопрос *кто?/о ком?*, а к названию города – *что?/о чем?*.

М) Полилог между преподавателем и студентами:

Хуан Линьхао (КНР): (читает фрагмент текста задания) *Будущая звезда науки – студентка МГУ Настя Ефименко*.

Преподаватель: *Это статья о ком? Или о чем?*

Ван Вэньсянь (КНР): (размышляет вслух над заданием) **О чем?*

Чжао Лиян (КНР): (исправляет допущенную ошибку) *О ком? !*

Комментарий: Иногда ошибки, связанные с неразличением вопросов *кто?* и *что?*, допускаются в заданиях, обязательный ответ на которые не включает в себя эти вопросительные слова, однако формулировка задания косвенно затрагивает различие между ними. Формулировка задания, при выполнении которого была допущена рассматриваемая ошибка, звучит следующим образом: *«Прочитайте названия статей и скажите, о ком?/о чем? пишут журналисты»* (урок 1, упражнение 10 учебника «Дорога в Россию. Базовый уровень»). Основная цель – преобразовать словосочетания типа «Согласование» из формы именительного падежа в форму предложного, тем самым развив навыки образования этой формы у существительных, местоимений и прилагательных. В этих словосочетаниях в роли главных слов выступают как одушевленные, так и неодушевленные существительные. Отсюда в формулировке употребление обоих вопросительных слов в форме предложного падежа: *о ком?/о чем?* Хотя закрепление умения различать эти вопросы не является целью упражнения, во время размышлений над его выполнением студентка выбрала неправильный вариант.

Следует отметить, что в рассматриваемом контексте по одушевленности/неодушевленности могут быть охарактеризованы два существительных – *звезда* и *студентка*. Первое из этих слов является многозначным, и в разных ЛСВ оно может быть определено и как одушевленное, и как неодушевленное. Так, неодушевленные ЛСВ – это «небесное тело» и «геометрическая фигура», а одушевленные – «морское животное» и «человек, который прославился». Точное

определение ЛСВ находится в тесной взаимосвязи с контекстом, и главным фактором здесь оказывается факт характеристики с помощью слова *звезда* объекта, обозначаемого лексемой *студентка*, которая однозначно характеризуется как одушевленное существительное. Кроме того, *студентка* – существительное, обозначающее человека. Следовательно, слово *звезда* используется в ЛСВ «человек, который прославился», а значит – является одушевленным.

Как мы видим, ошибки в различении вопросов кто? и что? у китайских обучающихся имеют системный характер и обусловлены не столько незнанием семантики, сколько несформированностью грамматического навыка определения категории одушевленности/неодушевленности существительных. Наиболее эффективным представляется подход, при котором данная категория последовательно презентуется как формальный грамматический классификатор, проявляющийся в системе падежных окончаний, а ее семантическое наполнение используется лишь как вспомогательный, но не определяющий критерий. Такой подход позволяет прогнозировать типичные ошибки и целенаправленно формировать у студентов устойчивый навык правильного выбора вопросительных слов на всех этапах обучения РКИ.

3. Наконец, не менее важной проблемой в контексте изучения рассматриваемой грамматической категории является смешение синонимичных синтаксических конструкций, употребление которых напрямую зависит от одушевленности/неодушевленности существительного или личного местоимения, выполняющего функцию субъекта действия. В ходе проведения курса русского языка в рамках программы предвузовской подготовки зафиксирована одна такая ошибка, допущенная студентом в процессе выполнения тренировочного задания, направленного на подготовку к письменному экзамену, проводимому в конце осеннего семестра в формате составления ответного письма другу (пример Н):

Н) **Мой город очень красивый, его зовут Хэйхэ.* (Ху Байтун, КНР)

Комментарий: Здесь мы наблюдаем две основы сложносочиненного предложения. Во второй из них субъект выражен формой родительного падежа личного местоимения *он* – *его*, которое в зависимости от контекста может быть как одушевленным, так и неодушевленным. «Подсказкой» в размышлениях о характеристике этого местоимения по одушевленности/неодушевленности здесь является субъект первой основы – слово *город*, являющееся неодушевленным, поэтому местоимение *он* в данном контексте также является неодушевленным.

Для исправления допущенной ошибки необходимо соотнести друг с другом две синонимичные синтаксические конструкции. Одушевленные существительные являются при выражении такого смысла частью конструкции *кого? зовут как?: Меня зовут Мария. Его зовут Анатолий Иванович. Собаку зовут Мухтар.* В то же время неодушевленные существительные при выражении этого же смысла будут частью другой конструкции – *что? называется как?: Этот город называется Москва. Книга называется «Война и мир». Станция называется «Международная».* Поэтому исправленный вариант ошибочного предложения выглядит следующим образом: *Мой город очень красивый, он называется Хэйхэ.* Основные отличительные черты конструкций – это вопрос, задаваемый к существительному-субъекту, и глагол, выполняющий роль предиката. Следует обратить внимание на то, что вопросы к существительным и личным местоимениям соотносятся с вопросами к формам винительного падежа, выбор которых зависит от характеристики отвечающих на них слов по одушевленности/неодушевленности.

Рассмотренный пример помогает выявить проблему, которая в методике преподавания РКИ,

как правило, остается за рамками систематического описания. В отечественной русистике достаточно подробно изучены вопросы, связанные с формальным выражением одушевленности/неодушевленности в системе падежных окончаний, а также случаи колебания данной характеристики в соответствии с представлением о семантике живого и неживого объекта [Книга о грамматике, 2018, с. 637 – 641].

Однако за пределами внимания исследователей остаются случаи, когда категория одушевленности/неодушевленности влияет на выбор не одной лексемы или одной морфологической формы, а целой синтаксической конструкции, причем эти конструкции являются синонимичными по выражаемому смыслу, но различными по грамматическому оформлению. На сегодняшний день отсутствуют специальные исследования, посвященные систематическому описанию таких конструкций в контексте категории одушевленности/неодушевленности, а также методические разработки, направленные на формирование у иностранных обучающихся навыков их дифференцированного употребления. В большинстве существующих учебных пособий данные конструкции вводятся изолированно, без сопоставления друг с другом и без акцента на том, что выбор между ними определяется грамматической характеристикой субъекта по одушевленности/неодушевленности.

В связи с этим представляется необходимым дальнейшее изучение данного круга явлений как с теоретической точки зрения (описание инвентаря таких конструкций и их грамматических свойств), так и с прикладной (разработка системы упражнений, направленных на предупреждение и коррекцию подобных ошибок). Пример наглядно демонстрирует, что на этапе подготовки к письменному экзамену (в частности, к написанию письма другу) обучающиеся могут допускать ошибки, которые не могут быть объяснены недостаточным знанием падежной системы или лексики, – эти ошибки обусловлены отсутствием у студентов целостного представления о том, как категория одушевленности/неодушевленности «работает» не только на уровне морфологии, но и на уровне синтаксиса.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций для практики преподавания РКИ китайским студентам на этапе предвузовской подготовки.

Во-первых, категория одушевленности/неодушевленности должна последовательно презентоваться как грамматический критерий выбора формы винительного падежа и соответствующего вопросительного слова, а не как отражение наивно-биологических представлений о живых и неживых объектах. Семантический критерий может использоваться лишь как вспомогательный на начальном этапе, причем с обязательными оговорками о его ограничениях.

Во-вторых, при введении грамматического материала необходимо соблюдать «этапность», соответствующую последовательности освоения падежей: от опоры на противопоставление именительного и винительного падежей (до изучения родительного) к полному формальному критерию на базе трех падежей. Особого внимания требуют случаи гипербобщения, которые следует предупреждать специальными сопоставительными упражнениями.

В-третьих, в курсе «Язык специальности», где студенты сталкиваются с абстрактной лексикой (как правило, грамматически неодушевленной) и терминологическими словосочетаниями, необходимо усилить грамматический компонент, поскольку семантические подсказки здесь практически отсутствуют. Это особенно важно для студентов экономического и естественно-научного направлений, где доля абстрактной лексики максимальна.

В-четвертых, требуется дополнительная методическая разработка темы синонимичных синтаксических конструкций, выбор между которыми определяется категорией

одушевленности/неодушевленности. Существующие учебные пособия вводят такие конструкции изолированно, без сопоставления, что не позволяет студентам осознать системный характер противопоставления.

Заключение

Таким образом, категория одушевленности/неодушевленности, будучи одной из фундаментальных грамматических категорий русского языка, представляет собой значительную трудность для китайских обучающихся на всех этапах обучения. Природа этих трудностей лежит не в семантической плоскости (неспособности отличить живое от неживого), а в отсутствии в родном языке обучающихся аналогичного грамматического механизма, требующего формального анализа падежных окончаний. Систематизация и анализ типичных ошибок, предпринятые в настоящей статье, позволяют не только выявить зоны наибольшей интерференции, но и наметить конкретные пути их преодоления. Дальнейшее углубление в данную проблематику представляется необходимым как с теоретической точки зрения – для более точного описания грамматической системы русского языка в типологической перспективе, так и с прикладной – для совершенствования существующих и создания новых учебных материалов, адекватно учитывающих потребности изучающих РКИ.

Библиография

1. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2009b. 256 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2009a. 342 с.
3. Беляева Г.В., Луцкая Н.Э., Горская Е.И. Я пишу по-русски. Базовый уровень. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2020. 172 с.
4. Беляева Г.В., Нахабина М.М. Я пишу по-русски. Элементарный уровень. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2019. 288 с.
5. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А.В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
6. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 784 с.

Grammatical Interference in the Acquisition of the Category of Animacy/Inanimacy in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language (Based on the Analysis of Learners' Errors)

Marina D. Emel'yanova

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mariemelianova@yandex.ru

Abstract

The article examines typical cases of grammatical interference in the study of the category of animacy/inanimacy at the initial stage of teaching Russian as a foreign language (RFL). Based on

the material of oral responses and written works of students of the pre-university training program conducted at the Institute of Russian Language and Culture of Lomonosov Moscow State University, cases of incorrect choice of case forms, confusion of the questions *kto?/chto?* (who?/what?), and syntactic constructions are analyzed. Based on the analysis of "negative" (according to L.V. Shcherba) linguistic material, the author substantiates the need for a grammatical approach to the presentation of this category and the correction of these errors, which implies relying primarily on the formal indicators of case endings.

For citation

Emel'yanova M.D. (2026) Grammaticheskaya interferentsiya pri usvoenii kategorii odushevlenosti/neodushevlenosti v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo (na materiale analiza oshibok obuchayushchikhsya) [Grammatical Interference in the Acquisition of the Category of Animacy/Inanimacy in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language (Based on the Analysis of Learners' Errors)]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 16 (6A), pp. 105-118. DOI: 10.34670/AR.2026.62.47.009

Keywords

Russian as a foreign language, grammatical interference, animacy/inanimacy, case system, error analysis, methods of teaching RFL.

References

1. Antonova, V. E., Nakhabina, M. M., Safronova, M. V., & Tolstykh, A. A. (2009a). *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyy uroven')* [The Way to Russia: Russian Textbook (Elementary Level)] (5th ed.). Zlatoust.
2. Antonova, V. E., Nakhabina, M. M., Safronova, M. V., & Tolstykh, A. A. (2009b). *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyy uroven')* [The Way to Russia: Russian Textbook (Basic Level)] (4th ed.). Zlatoust.
3. Belyaeva, G. V., Lutsкая, N. E., & Gorskaya, E. I. (2020). *Ya pishu po-russki. Bazovyy uroven'* [I Write in Russian. Basic Level] (4th ed.). Zlatoust.
4. Belyaeva, G. V., & Nakhabina, M. M. (2019). *Ya pishu po-russki. Elementarnyy uroven'* [I Write in Russian. Elementary Level] (3rd ed.). Zlatoust.
5. Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 1). Nauka.
6. Velichko, A. V. (Ed.). (2018). *Kniga o grammatike. Dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [A Book on Grammar. For Teachers of Russian as a Foreign Language]. Zlatoust.